

LITERARY YANDERE

Наследница
Земли

18+

Literary Yandere

Наследница Земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730234

SelfPub; 2023

Аннотация

В далеком будущем отважные астронавты отправились покорять новые планеты. Но сами люди остались такими же, как и встарь. И волнуют их все те же вопросы, что и всегда: как не расставаться с дорогими сердцу, как заработать побольше денег, как, в конце концов, выжить... Мэдди когда-то была космической пираткой, но теперь она оставила свое непочетное ремесло и пытается зарабатывать на жизнь чем-то более достойным. Но у нее не всегда получается.

Literary Yandere

Наследница Земли

Все имена действующих лиц, персонажи и события романа вымышлены. Любое совпадение с реально существующими людьми, объектами, событиями случайно. Текст представляет собой художественное произведение, автор может не одобрять и не поддерживать взгляды и действия, которые так или иначе отражены в тексте.

Невзирая ни на что, Мэделейн считала себя счастливицей. Ей одинаково нравились как шум космопорта, так и тишина и одиночество корабля. Тем не менее, сейчас, проведя несколько месяцев в космосе, она чувствовала себя неловко на земле с естественной гравитацией. То и дело казалось, что пол выгнется или прыгнет под ноги. Мэделейн ходила, расставив руки и колени, как морячка из древних фильмов с Земли. Через неделю эффект должен был сойти на нет, все-таки Мэделейн родилась и провела детство в невесомости, ее организму действительно казалась естественной скорее обычная земная – или эрзац-земная – гравитация. Но вот только она не собиралась проводить столько времени вне корабля.

Мэделейн прибыла в космопорт для того, чтобы получить работу.

– Вот мы и встретились снова, Безумная Мэдди.

Она склонила голову, как предписывал этикет, резким кивком.

– *Senatano*.

Он назвал ее старым именем, она его – новым, хотя они оба изменились за те годы, что не виделись. Он заметно поднялся. Она... просто теперь ходила другими путями.

Сели собеседники в приватном кабинете на втором этаже трактирчика «Вечный вопрос». Доступ в эту зону имели только сенаторы, скорее всего, у каждого был личный ключ к индивидуальной вип-комнате. В закутке, в точности со вкусами Мэдди, играло супер-ретро, но она не обольщалась, что кто-то включил пленку ради нее.

– Суть задания в том, что ты шпаришь на своем старике до Ллевэрии. Я дам тебе в напарники своих людей. Твоя задача – вернуть мне чертежи и, если получится, химикалии. Сво-лочь очкастая, засевшая там, держит в заложниках... мою собственность. Так вот: верни. Всё.

Звучало это все сомнительно. Сказать прямо, звучало как дерьмо на палочке, но такое в лицо сенатору не скажешь, даже если ты Безумная Мэдди. Так что она выдохнула и досчитала до десяти.

– Есть разница между работой и заданием, *senatano*. Задание – штука разовая, а в работе есть стабильность.

Мэдди не спешила обманываться, что ее сочли лучшей. Скорее уж мысль сенатора остановилась на том, что если ка-

кая-то занюханная землянка пропадет на пути к Ллеверии, ее никто не хватится. Мало ли, что случается с землянами.

– Я могу просто сказать, что у нас было соглашение. И тогда тебя принудят к тому же Суд, Альянс и Патруль. Готова ты к такому противостоянию?

– Без моей подписи на документе это не больше, чем пустая трата кислорода.

– Уверена? Видишь ли, за меня голосовали люди.

– Или так считается.

Мэдди решительно поднялась, готовая уйти. Пусть и не будучи уверенной, что дверь не заперта изнутри.

– Так что когда я говорю, они как бы говорят вместе со мной. Подумай, больше ли весит один твой голос...

Сенатор протянул руку, стремясь схватить Мэделейн за локоть, промахнулся в первый раз, когда она отпрянула, но во второй все же стиснул ее запястье. Так он не мог задрать ее рукав, что собирался сделать. Но на самом деле это и не было ему нужно. Оба они прекрасно знали, что там, под серебристой тонкой тканью прячется татуировка. Люди давно перестали делать вечные тату – кроме особенных случаев. И вот такой, особенный, случился однажды и с сенатором, и с Мэделейн.

В общем, оба они знали друг о друге слишком много. Он знал, что в юности она не всегда вела себя разумно и правильно. Она же знала, что он не гнушался пытками.

– Ладно, – Мэделейн не хотела скалить зубы, но губа сама

невольно дернулась кверху. – Возьмусь за задание.

Сенатор даже не кивнул: он не сомневался, что она согласится. У нее не было выбора. Он только ждал, когда она поймет, что и времени терять она уже не может.

У Мэдди были и другие предложения. Менее хлебные, чем то, что предлагал сенатор, но и звучащие не так сомнительно. Однако Дедушка нуждался в ремонте. Больше того, она его уже сделала, и теперь требовалось закрыть кредит. Мэдди искала лазейки, позволяющие ей если не отказаться, то сбежать, но, вот незадача, ее ждали двое незнакомцев прямо у трапа корабля.

– Летаешь на этом старье?

Парень показал на Дедушку. Девушка рядом с ним протянула Мэдди руку старомодным земным приветствием.

– Я Джилл. Это Джек.

Мэдди сомневалась, что выделенных сенатором напарников так зовут. По крайней мере, не сказали, что они брат и сестра – не были они похожи ни на йоту. Мэдди жестом показала, чтобы забирались внутрь Дедушки. Что греха таить, корабль действительно намотал по галактическим дорогам немало. Но Мэдди его любила и ни за что не променяла бы на новинку. Дедушка периодически требовал ремонта и апгрейда, постепенно в нем не должно было остаться ни единой изначальной детали. Мэдди это не волновало. Пока кораблик оставался на ходу, она не заморачивалась.

Мэдди поднялась в кабину управления, включила супер-ретро из любимого плейлиста: «Paris 1919» Джона Кейла. Джилл с Джеком остались в жилом отсеке, раскладывая нехитрые пожитки: у каждого при себе было по тощему дипломату. «Неловко было отказаться теперь», пыталась внушить себе Мэдди, но в душе понимала: опасно. Гости на корабле ей не нравились. Да и выглядели оба как-то нездорово. Особенно Джилл. Лицо бледное, дыхание неровное, точно ее постоянно мутит.

– По совокупности, полет на Ллеверию с двумя незнакомцами на борту тянет на желтый уровень опасности, – перемигиваясь огнями, сообщил динамик корабля.

– Да, мне тоже так кажется, Дедушка, – сказала Мэдди, выставляя тумблеры в положения для дальнего полета. – Но это все ради тебя.

– Не стоило.

Мэдди вздохнула. Дед и при жизни так себя вел. То есть, она и сейчас считала его живым, да и впрямь, его мозг, вплавленный в микросхемы, придавал кораблю человеческие черты. Но если б не его бессребреничество, может, в своем теле, дарованном природой, он протянул бы дольше. Впрочем, на пребывание в симбиозе с кораблем дед не жаловался ни разу. Наверняка, скучал по крепкой плеядской бормотухе, но внучке не стал бы говорить.

Мэдди забила в навигатор координаты Ллеверии и постаралась убедить себя, что не из-за чего слишком дергаться.

Сенатор был мутной личностью, насколько она его знала, но не бандитом. Уже давно нет.

Ллевериа представляла собой безжизненную планету на границе Соединенной Галактики. Естественной атмосферы на ней сроду не было, так что когда-то на нее отправили команду для создания искусственной. Мэдди и ее незваным напарникам предстояло иметь дело с... Мэдди открыла файл с инструкциями от сенатора, чтобы подсмотреть: с Филлис Монтес, ученой из уже второй экспедиции, которая должна была навести на Ллеверию последний лоск и сделать космическую клоаку мира пригодной для жизни.

– Выглядит неплохо, – сказала Мэдди, однако помедлила, прежде чем снять шлем.

Воздух на Ллеверии оказался терпкий, холодный, точно морской, хотя, насколько хватало глаз, Мэдди видела только бескрайние зеленые поля. Вдалеке, на грани горизонта, чернела точка исследовательского центра. До него пролегла широкая дорога, огороженная с обеих сторон забором из старомодной сетки-рабицы. Вполне пригодный для багги путь.

Джилл, вызвавшаяся с Мэдди проехать до исследовательского центра, провела рукой по забору, щекоча ладонь о высокую траву, и зеленые стебли подались к ее коже, прилипая, точно осока. Джилл ойкнула и отпрянула. Мэдди показалось, что теперь-то ее точно стошнит, однако обошлось. Девушки загрузились в багги. Мэдди ехала медленно и осто-

рожно, как всегда на неизвестной планете: зрение, чувство тяжести и даже слух тебя подводят и будут подводить еще долго, пока ты не привыкнешь к новому месту высадки. На автомате организм судит по Земле, и чаще всего ошибается. Гравитация может быть немного другой, и все же фатально отличаться. Линия горизонта лжет. Звуки разносятся над поверхностью иначе. Ллевория была похожа на Землю, какой ее можно увидеть во сне: на первый взгляд, все правильно, и в то же время безумно. Ностальгии у Мэдди то, что она видела, не будило.

Багги девушки покинули только у самых дверей научного комплекса. Мэдди окинула взглядом бетонную полусферу: чистая практичность, ни грамма красоты. Это сооружение строили без расчета, что его будут часто видеть снаружи. Джилл приложила к замку универсальный ключ, выданный сенатором, и девушки зашли внутрь. Мэдди ожидала, что температура в здании будет ниже, чем снаружи. Но – нет, чуть выше двадцати градусов. Искусственная атмосфера играла в лето, и отдельно от других, вероятно, взращивались тропические растения – в теплицах и оранжереях. Правда, ни одного не было видно. Внутри центр оказался не красивей, чем снаружи.

Чего нельзя было сказать о Филлис Монтес. [Часть текста выпущена по соображениям цензуры согласно Федеральному закону от 05.12.2022 № 479-ФЗ] естествоиспытательница Монтес – невысокая брюнетка плюс-минус ее возраста.

Филлис бросила на гостей взгляд поверх очков, и Мэдди подумала, что, может быть, в песне «Bette Davis Eyes» пелось именно о таких глазах. Пусть века и не сохранили для нее память о том, кто такая была эта Бетт Дэйвис – но мелодия оставляла дрожащий сладкий привкус на языке, и намертво прилипала, крутясь в голове днями напролет.

– Мы здесь по просьбе сенатора, *sinjorino* Монтес.

– *Doktoro* Монтес, если позволите.

Филлис вытирала руки тряпицей сплошь в зеленых разводах. Появление незваных гостей ее ничуть не удивило.

– И вам даже не надо уточнять. Воистину. Не трудитесь. Я уже все приготовила к вашему прибытию.

Джилл икнула. Мэдди покосилась на нее в полной уверенности, что вот теперь-то напарницу и стошнит. Однако все обошлось и на этот раз.

– Видите ли, у меня свои пути получения информации, – Филлис кивнула Мэдди. – *soldulo* Мэделейн... или мне стоило сказать «Безумная Мэдди»? С кем только сенатор ни водился в свои лучшие годы. Впрочем, я сама познакомилась с ним немногим позже...

Филлис щелкнула пальцами, и за ее спиной зажегся экран размахом во всю стену.

– *Senatano* хочет забрать мои чертежи? Ну так пожалуйста... если что-то осталось.

Филлис указала пальцем себе за плечо. И сама осторожно обернулась, следя за тем, как крутятся цифры, зашкалившие

за девяносто процентов, как заполняется белым синяя полоса отсчета...

– Кажется, я форматнула свой компьютер, – Филлис деланно поднесла ко рту ладонь. – И, кажется, нигде не сохранилось копий. У меня не было межпланетных выходов связи.

Мэдди выхватила бластер так быстро, что Филлис прикусила язык – вполне буквально – и скривилась.

– Не люблю наставлять пушку на того, к кому у меня ничего личного. Но, кажется, выходит, что последние знания о... чем бы ты тут ни занималась, остались... у тебя в голове.

Филлис нахмурилась. Джилл втянула носом воздух – резко, как перед прыжком с трамплина.

– *Doktoro* Монтес, – сказала Мэдди. – придется проследовать с нами на корабль. Теперь Вы наш груз.

Филлис ничего не ответила, да и двинулась только едва-едва: снова щелкнула пальцами, и Мэдди поняла, что падает. Она пыталась сгруппироваться, но шершавый бетон встретил ее недружелюбно и резко. По крайней мере, она не выстрелила куда ни попадя, ни падая, ни шлепнувшись на пол. Весь воздух из груди Мэдди выбило ударом, так что она не сразу смогла откатиться в сторону, хоть и понимала, что вот-вот за нею может последовать Джилл.

Над головой, высотой в полтора человеческих роста над нею, в полу – на котором Мэдди только что стояла – зияла дыра. То есть, с нынешней точки зрения, в потолке. Не слишком большая, аккуратная, квадратная. Мэдди прикину-

ла, сможет ли она запрыгнуть назад? Вряд ли. Будь хоть рядом стена какая, чтобы оттолкнуться ногой, но нет: насколько видела Мэдди в скудном свете, падающем сверху, ее окружал только воздух. Довольно затхлый, надо сказать. Где-то совсем вдали смутно виднелись опорные колонны.

Там, наверху, Джилл и Филлис продолжали переговоры.

– Не надо угрожать мне, *sinjorino*, – сказала ученая в ответ непонятно на что. Возможно, какое-то движение Джилл.

Мэдди не помнила, чтобы у сенаторовой шестерки при себе было оружие, но что-то же она таскала с собой в плоском кейсе? Если выберусь отсюда, подумала Мэдди, начну мониторить все технические новинки... пристально и систематически. Она проверила, нет ли у нее серьезных травм – по счастью, не обнаружила ни одной. Синяки, не больше. Могло быть хуже.

– Я считаю до трех. Возвращайся на свой корабль и скажи сенатору, что наш контракт разорван. Он первым его нарушил. Он не смеет требовать от меня вернуться... или вернуть хоть что-то из моих разработок. Что до твоей поделницы, то... эй! А ну немедленно...

Наверху происходила какая-то неясная возня. Мэдди ждала, что сейчас откроется второй люк, и рядом с нею шлепнется Джилл, но вместо нее вниз юркнула Филлис. Створки люка над ее головой стремительно захлопнулись, едва не прищемив волосы. Ученая приземлилась не более удачно, чем Мэдди, ахнула, складываясь пополам, но стоило Мэдди при-

близиться к ней, вскочила с очевидным намерением защищаться. Мэдди не видела в темноте, но сделала выводы по тому, как острый локоть Филлис двинул ее по ребрам. Дважды – как только ученая поняла, где противница.

– Только тронь меня, бандитка, и я...

Над головами девушек раздался взрыв такой силы, что все вокруг вздрогнуло, как от землетрясения. Мэдди однажды была на Этисе, где так трясло каждые полчаса, если не чаще. Совершенно невозможная планета.

Судя по тому, что вниз начал проникать свет, створки одного из лазов погнулись. Это не было землетрясением, но что же... нечто капнуло Мэдди на плечо. Однако она не могла взглянуть, что именно, не отпустив ученую. А Филлис билась, как в последний раз.

– Пусти меня, ты, медведица!

– Тихо, я просто не хочу получить от тебя по зубам. – Острые плечи Филлис дергались в опасной близости от челюсти Мэдди так или иначе, но все-таки это было желательней, чем удар даже таким кулачком, какой ученая могла сложить из своей узенькой ладони. – Скажи, что успокоилась, и я тебя отпущу. Никто никого не лупит, ладно?

– Твоя взяла, – буркнула Филлис, расслабляясь в захвате.

[Часть текста выпущена по соображениям цензуры согласно Федеральному закону от 05.12.2022 № 479-ФЗ] Филлис отряхнула пиджачок, хотя он в этом не нуждался, и повернулась к Мэдди через плечо.

– Боюсь, там половину этажа разворотило.

– Что случилось-то?

Еще одна капля спланировала Мэдди на рукав, и та задрала локоть, чтобы взглянуть. Что-то густое, красное, похожее на кровь или сок кроммиквилы. Но, учитывая, что кроммиквила произрастает только на Этисе и не способна существовать в богатой кислородом атмосфере, Мэдди поставила бы на первое.

– Ты была не в курсе, да?

Мэдди тупо смотрела на ученую.

– Не то что б я хорошо знала эту Джилл.

– Я могла бы не поверить, – Филлис пожевала губу. – Но поверю. Когда я говорила, что получила информацию, это значит, что и о том, как вы с *senatano* расстались, тоже узнала. Мало у тебя причин с ним дружить.

– Деньги, в основном.

– Понимаю. Ну так я дама небедная. Если я пообещаю тебе таксу побольше, как насчет наняться ко мне в *domservistino*?

Мэдди против воли расплылась в улыбке. Другого ответа не требовалось, по крайней мере, пока они, приноровившись к скудному освещению, могли видеть друг друга.

– Что ж, у тебя примерно ноль оснований мне доверять.

– Верно и обратное, – выдохнула Филлис.

– Но особого выхода у нас нет. В противном случае по-прежнему мы обе.

Филлис прекрасно понимала, что Мэдди просто хочет выбраться из подвала. И без помощи ученой ей этого не сделать. Досаднее всего было то, что и Филлис, скорее всего, не удалось бы прорваться без Мэдди. Ей был нужен кто-то-то с бластером. И практикой обращения с ним.

– Я про эту Джилл вообще ничего не нашла. Только про тебя. Так что я догадывалась, что это очередная человеко-бомба сенатора. Когда она начала глотать из синего пузырька, окончательно уверилась.

Мэдди слышала о таком, но полагала, что это слухи, не более. Однако сенатор мог надавить на какие-то свои рычажки, подергать за одному ему известные струны и... или просто действовать по-старинке. Как преступник. Люди-бомбы были смертниками, которые не могли даже продать свои органы на донорство. Но их семьям полагалась нереальная компенсация, так что кое-кто мог подумать, что дело того стоит. Неизлечимо больные, например. Или приговоренные к казни.

Приговоренные к казни на своих планетах, следовало сделать оговорку.

– Дедуля, – простонала Мэдди, вспомнив. И со злости ударила по стене ладонью. По крайней мере, она не настолько взбесилась, чтобы самозабвенно лупить что-то кулаком. И потом, Дедушку действительно надо было спасать. И лучше бы без вывихнутых пальцев и содранных на костяшках перчаток костюма.

Мэдди вкратце объяснила Филлис, что такое, а точнее, кто такой Дедушка. Та поняла, но чем дальше слушала, в тем большее уныние приходила.

– То есть, на твой корабль мне хода нет, там шестерка сенатора. Взрывоопасная шестерка.

Не требовалось уточнений, что угрожать бомбе бластером бессмысленно. И самоубийственно.

– Я думаю, он не сделает без причин ничего плохого.

– Ну так давай не дадим ему повода.

Когда они начали этот разговор, Филлис щелкнула пальцами и зашагала вперед, по освещенной скудным светом редких крохотных лампочек дорожке. Мэдди последовала за нею, держа бластер наизготовку – просто на всякий случай.

– Но для начала нужно спасти Пушистика. То есть, образец А-0001, я хотела сказать.

Звучит как ого-го какой повод, настороженно подумала Мэдди.

– Это не мой питомец, как ты могла бы подумать. То есть, отчасти да... Но в первую голову, это последнее хранилище редких растительных соединений с Земли.

Подвал сузился до коридора – пустого, если не считать лампочек под потолком, размером чуть больше елочной гирлянды. Да бредущих по нему девушек. Ничего вокруг не было интересного, так что Мэдди с удовольствием выслушала рассказ спутницы о Пушистике. Тот и был яблоком раздора между нею и сенатором. Точнее, растением раздора.

Сто лет назад, когда человечество начало биоформировать другие планеты, делая их пригодными для жизни людей, кто-то предложил уничтожить все «вредные» земные виды, вроде комаров, гиен и растений типа «венерина мухоловка». Поразительно, но большинство чиновничьих шишек проголосовало за... Мэдди подумала, что может это понять, на разных планетах ей досаждали разные мелочи, и в сердцах она часто желала им исчезнуть. Филлис же была в ужасе, даже несмотря на то, что в пору принятия закона даже еще не родилась.

– Эти люди... они наигрались с Землей и бросили ее, переключившись на новое, более интересное: луны, другие планеты, астероиды. Уф, я даже не могу говорить без отвращения.

Мэдди похлопала Филлис по плечу. Она задумывала этот жест как саркастический, но ученая вздохнула с такой досадой, что Мэдди стало совестно.

– Пушистик должен был стать венериной мухоловкой. Я собиралась вырастить здесь, на Ллевэрии, то, что земляне отказались принимать как часть своей истории, своей природы.

– Хочешь затащить его на мой корабль?

Филлис не сразу нашла в себе силы признаться. Сенатор продал ей порченный товар, и ученые, с которыми она работала, поначалу пытались это игнорировать. Но потом они под теми или иными предлогами стали покидать Ллевэрию, пока

Филлис не осталась в исследовательском центре одна. И когда она поняла, что то, что она принимала за случайные мутации, на деле, новый и не самый приятный вид, выросший из недостаточно чистого образца, было уже поздно.

– Я потакала ему, не могу отрицать... Всячески холила и подкармливала лучшими удобрениями.

– О блин. Оно гигантское, да?

Филлис виновато замычала.

– Я просто хочу спасти первый свой образец. Я... никогда не позволяла ему дать потомство.

– Он ядовит или что?

– Хуже. Видела траву? За забором она еще вполне сносна. Но цветки... бр-р-р, это не то, что хочешь иметь на клумбе перед домом, поверь мне. Даже самый мелкий проведет тебе ампутацию ноги в считанные секунды, а срез будет чистейший.

– Не то что б это утешало в такой перспективе. Биоинженерия растений ушла куда дальше биоинженерии людей.

– Кому ты рассказываешь, – Филлис хмыкнула. – Чертовы религиозники...

– Нужно было предлагать им пришивать по шесть рук, как у их богов. Думаю, это смягчило бы хотя бы некоторых из них.

– И где же ты, такая умная, была сто лет назад на голосовании на Первом Съезде Лунной Академии Наук?

– Спроси у того, кто зарезал создание машины времени.

Мэдди осеклась. Обе девушки невольно вспомнили Джилл, а вместе с тем и вторую человеко-бомбу. При создании такой ходячей взрывчатки не приходилось вмешиваться в днк – какая ирония! Только принимать препараты, напикивая свою кровь и внутренние органы не пойми чем.

– Я не хочу стать очередным создателем оружия массового поражения. И даже не массового. А ты думала, я из-за сенатора уничтожила все записи? Хотя да, во многом и из-за него. Если он узнает, что у меня в итоге выросло, он... у меня нет уверенности, что он использует это в гуманных целях.

– А у меня есть. Есть уверенность, что не использует ни для чего хорошего.

– Ты его близко знаешь.

– Ближе, чем хотелось бы. – Мэдди бросила беспутную жизнь раньше, чем сенатор. Совесть не позволила: не могла смотреть деду в глаза, пока он был жив. А потом поняла, что не может и после.

– Я тоже. Институту требовалось финансирование, и сенатор вложился, чтобы получить в распоряжение все, что я могу ему дать. Вот только я, как дурочка из старой сказки, пообещала ему, не зная в точности, чем именно придется расплатиться.

Филлис выругалась. Мэдди и не думала, что эта рафинированная с виду ученая может знать такие слова.

– Но в голове-то у тебя остались знания.

– Это будет уже не то. Есть разница между оригинальным,

пусть и дефектным, видом, и восстановленным искусственно.

– Ну, по факту, конечно есть. Не буду спорить. Но, смотри, оригинал Моны Лизы сейчас где? И я не знаю. А цифровые копии ты можешь скачать в сети. Хоть весь компьютер ими заполони. И что? Это делает улыбку Моны Лизы менее загадочной? Искусство есть искусство, и никакой носитель его не умаляет и не... как бы это сказать?

– Профанирует. – Филлис вздохнула. – Я не уверена.

Девушки, наконец, покинули коридор. Филлис снова щелкнула пальцами – на сей раз ей потребовалось сделать это несколько раз кряду, прежде чем система догадалась открыть ворота и протянуть лестницу на этаж выше. Взбираясь по ней, обе девушки нервничали, чувствуя, насколько непрочны ступени под их ногами. Взрыв имени Джилл повредил систему, и теперь какая-то ее часть работала с перебоями.

– У тебя кровь. – Сказала Мэдди, когда они с Филлис выбрались наверх. Теперь, при ярком свете, она заметила: очки ученой разбились, видимо, при падении. И осколок стекла впился в щеку.

Филлис не почувствовала, как порой бывает, когда ранишься идеально-острым срезом, но теперь, проведя ладонью по запыленному лицу, разбередила ранку. С пропитанным кровью воротником ее лабораторного халата сделать было уже ничего нельзя, да и на Мэдди остались капли про-

щального привета Джилл, но открытую рану стоило подлатать.

– Да, нехорошо. Цветочки будут рады, а я – нет. Даже теперь не хочу дать им понять, что я тоже – потенциальная их еда. Нет, теперь – особенно.

Оранжерея пострадала больше, чем хотелось бы. Какие-то лампы взорвались, электрическое поле забора покосилось. Трава колыхалась, как море. Мэдди бросила взгляд, когда они проходили мимо: мясистые стебли напоминали ей пальцы или щупальца, жадно ищущие вслепую.

– Ближко не подходи. Все они связаны с первым образцом. И теснее, чем ты думаешь.

– То есть, они гурманы-мясоеды? Каждый цветочек? Ясно-понятно.

Мэдди достала из нагрудного кармана кровоостанавливающий карандаш, но прежде, чем провести им по щеке Филлис, облизнула палец (что было рискованно негигиенично!) и провела им под глазом ученой (еще рискованней!), пытаюсь стереть ту кровь, что уже успела размазаться по коже.

Филлис нахмурилась, злясь куда больше на саму себя, нежели на Мэдди. Слишком уж ты податлива, обругала она себя мысленно. Хоть и понимала: долгое одиночество, вот и всё. Потому и деловитые прикосновения Мэдди казались Филлис чуткой лаской.

– Если есть вывихнутые пальцы, не стесняйся сообщать. Вправлю, как на Земле еще делали. Будет больно, зато при-

кольно хрустнет.

– Откуда подобные навыки?

– Бандитское прошлое. Не все же время разграблять и угрожать. Учишься и такому.

Филлис мотнула головой, отворачиваясь, и пальцы Мэдди стекли с ее щеки.

– Одно предложение, *bandida*. Скажу один раз. Я знаю, где мы можем переписать наши личности, став невидимыми для сенатора. Это потребует времени, денег и убедительных аргументов. Я располагаю только последним. Однако, это все-таки возможность.

Мэдэлейн ухмыльнулась, не отрывая взгляда от царапины Филлис.

[Часть текста выпущена по соображениям цензуры согласно Федеральному закону от 05.12.2022 № 479-ФЗ]

Филлис разочарованно покачала головой: что за ребячество! Поразительно, что в такой рискованной профессии женщина столь легкомысленная дожила до ее лет. Махнув рукой, Филлис поспешила вперед, оставив Мэдди думать. Что же она еще могла поделать? Только положиться на теорию вероятностей, пожалуй.

Миновав оранжереи, девушки вышли в залу под куполом. Под ногами что-то хрустнуло, и Мэдди сперва подивилась, как это разрушения от Джилл докатились аж досюда. Потом вспомнила, что пострадали какие-то части системы – и кто знает, до каких капилляров дошли повреждения. Слишком

многое стало теперь состоять из «лазеров», «полей» и прочих штук, прочных, только пока кто-то не отжал нужную кнопку.

А потом Мэдди посмотрела себе под ноги.

Кости, как романтично.

Она подумала о том, как завораживало ее дядю все мертвое. Ее отдали тому на попечение, надеясь, что он заменит ей отца. Некому стало делать это после смерти деда. Но нет, дядя только рассказывал ей о костях.

Ее саму все это оставляло равнодушной.

– Не все ученые улетели с Ллевэрии, так?

– Ну... да. Некоторым очень сильно не нравился Пушистик. Так что он... просто дал отпор.

Мэдди поняла, что Филлис имела в виду, говоря, что «не позволила дать потомство»: то, что издали можно было принять за ширму, вблизи оказалось матовым толстостенным цилиндром из чего-то... довольно прочного. Мэдди постучала пальцем по поверхности: наощупь стекло, но по звуку металл. Наверняка очередная полулегальная подачка от сенатора.

Филлис провела пальцами по кодовому замку.

– Что, если дверь не откроется?

Никто не хотел думать, что осталось от кабинета, в котором Джилл расплыло на атомы.

– Ну, всегда можно справиться... в старом землянском стиле. – Мэдди поддела ногой что-то, подозрительно похо-

жее на берцовую кость. – Вполне сгодится для рычага.

Филлис ввела код, и замок щелкнул. Но ученая не торопилась проверять, открылась дверь или нет. Она прислонилась лбом к прохладной поверхности цилиндра и вздохнула.

– Я заплачу, сколько ты хочешь. Но мы должны доставить его на корабль. Пушис... образец А-0001 связан со всей экосистемой планеты. Я не давала ему расплытаться споры, но через грибницу Пушистик связан со всеми остальными...

Мэдди схватилась за голову.

– То есть, это венерина мухоловка, кусающаяся как животное, а еще и гриб! Рехнуться можно.

«Этому не место на моем корабле,» – читалось в ее взгляде.

– Я не могу его тут бросить! Пусть извращенное, но это наследие Земли.

– Да, типа как инквизиция. И чума. И Гиммлер. Или Гитлер, я не сильна в истории, не помню, кто из них был хуже.

Филлис вздохнула.

– Ты даешь мне советы, а сама не можешь похоронить деда сколько? Десять, двадцать лет?

– Он не жрет людей.

Филлис взялась за створку двери, приоткрывая ее ровно настолько, чтобы одной проскользнуть внутрь.

– Кстати об этом. Пушистик не очень любит чужих... То бишь, всех кроме меня. Найди пока, чем себя занять.

И с этими словами Филлис исчезла внутри зала Пушисти-

ка, оставляя Мэдди одну в коридоре.

– Легко, *sinjorino* Монтес.

Мэдди закрыла глаза, решая. И решаясь. Она хотела бы придумать что-то иное, но у нее не было времени пораскинуть мозгами. Она видела только один способ покинуть Ллеверию живой... и, может, с деньгами. Мэдди нащупала кнопку рации, встроенной в воротник, нажала – пришлось дважды стиснуть ее меж пальцев, видимо, падение повредило что-то в микросхемах.

– Джек, Монтес у меня. Подстрахуй, пока я доставляю ее на корабль.

– Когда Джилл сдетонировала, я думал, вы там все втроем прижмурились.

Мэдди вздохнула, не зная, что ей отвечать на это. Но все-таки нажала на кнопку рации в воротнике, подтягивая тот ко рту поближе.

– Дуй уже сюда. Эта заучка приткая, ты бы знал, как она мне локтем двинула, точно тараном.

Она знала, что Джек о ней думает: землянка, ну и быдло. Ничего доверить нельзя. Но ей было плевать.

– Смотри, к траве не приближайся по пути. Никакой траве! Ясно тебе?

Джек нашел Мэдди по навигатору, который та великодушно включила, позволив ему пробить ее местонахождение.

– Ну и?! Где она? – Джек вошел с наручниками наизго-

товку и теперь озадаченно опустил руки. Он думал, что обнаружит Мэдди таскающей за волосы ученую, однако наемница в одиночку торчала посреди пустого, если не считать какого-то плафона посередине, зала.

– Прощается со своим уродливым питомцем, – Мэдди указала на дверь, приоткрытую настолько, что едва ли можно было просунуть лист бумаги. – Иди, возьми ее, а я подстрахую тебя с наручниками.

– Ты же просила меня подстраховать!

Мэдди закатила глаза.

– Чувак, просто не будь гадом. Там такой запах, что у меня глаза слезятся. Я просто не буду этого делать. А шлем в багги остался.

Джек ткнул Мэдди наручниками в грудь, надеясь, что попал по месту какого-нибудь синяка, без которого приключение с Джил ее наверняка не оставило. Сплюнул на пол.

– Землянка, что б ее. Такие вы рафинированные, у тебя под скафандром, может, кисейные перчатки?

– Да, чувак, прям на голое тело. Дуй уже внутрь, пока Монтес ничего не заподозрила.

Они обменялись недружелюбными взглядами. Если б не сенатор, такие люди в жизни не стали бы сотрудничать. Джек рванул на себя дверь и зашел в плафон. Мэдди успела увидеть Пушистика – что ж, свое имя он заслужил. Огромная, в три раза выше человеческого роста, живая масса шевелилась, точно лавкрафтовское чудовище. Тут и там вид-

нелось то, чему Мэдди не знала названия, но все какое-то осклизлое, трепещущее, дышущее в некоем своем ритме. Грязно-зеленые упругие ветви-жгуты мгновенно рванулись к Джеку.

Н-да, венерина мухоловка была очень дальней родственницей этого, подумала Мэдди. Уж в чем-чем, а в таком наследии Земля точно не нуждалась, как по ней. Филлис, впрочем, считала иначе: ее лицо горело, когда она подскочила к Мэдди, захлопнувшей и подперевшей спиной дверь.

– Что вообще за уловка такая: «воняет»?! С чего ты решила, что сработает?!

– Я не была уверена! Но сработала же!

Тем более, что насчет запаха Мэдди не врала. Несло от Пушистика, как из галюна на рейсовом корабле.

Тонкие пальчики Филлис набрали комбинацию на кодовом замке, но по ее лицу Мэдди прочла, что что-то не так. То ли лампочка не загорелась, то ли что-то не щелкнуло, но дверь явно осталась не заперта. Система исследовательского центра рухнула не вся сразу, по ней еще пробежали какие-то импульсы, и вот неполадки дошли до оранжерейной залы.

Из-за толстой стены плафона раздалось глухое ругательство, Джек пытался спастись от Пушистика. Очевидно, грибной монстр был все же не слишком проворен.

Действуя почти по наитию, Мэдди подперла дверь тем, что считала берцовой костью (и, скорее всего, не ошибалась на этот счет). Джек не должен был покинуть плафон. План еще

мог пойти прахом и убить обеих девушек, но, при прочих равных, существовал совсем отвратительный в своей бессмысленности вариант.

– Теперь-то что?! – Заорала Филлис, паникуя от мысли, что Джек может решить, что самое время подорвать себя. Вряд ли он стал бы медлить, явно желая унести с собой виновниц своей мучительной преждевременной гибели. Если бы не их подлость, даже в роли ходячей бомбы он мог надеяться еще некоторое время покоптить небо.

– На любое свободное пространство, быстро! Дедушка подберет нас. Найдет по трекеру!

– На крышу! – Прошептала Филлис. Дыхания у нее уже не хватало.

Лифты не работали, и девушкам пришлось нестись по лестницам. На последнем пролете Мэдди обхватила обессиленную от напряжения Филлис за плечи. И тут над ними, рассылая по округе упругую волну гиперпространственного захвата, завис Дедуля.

– Добро пожаловать на борт, *sinjorino*. — Прозвучал голос корабля, странно человеческий и одновременно механический разом. Еще более странно звучала попытка этого голоса изобразить шепот. – Она мне нравится. Хороший выбор, Мэделейн.

– Дед!

Они во все лопатки удалялись от Ллевэрии. Гравитация отключилась всего на несколько секунд: мигнула, и корабль

перестроился на свою, искусственную. Мэдди задала координаты ближайшего космопорта, одновременно достаточно удаленного от того, где она получала указания от сенатора. Когда она вернулась в каюту, служившую своего рода жилой комнатой, Филлис смотрела в иллюминатор. Взрыв оставил на поверхности Ллевэрии небольшой кратер.

– Фига се. Это Джек был настолько полон взрывчатки или...

– Нет. Это разрушение прошло по грибнице. У Пушистика были свои... особенности, которые я надеялась сохранить.

Филлис вздрогнула, как будто взрыв отдался в ее теле, обхватила себя руками.

– Оставить тебя? Хочешь погоревать в одиночестве?

– Я вообще не хочу горевать.

Филлис пересекла каюту, выглядывая в другой иллюминатор. Ее глазам предстала россыпь звезд. Как редко я стала их видеть, подумала она: ни из космоса, ни с земли. Она почти не выходила из исследовательского центра, увлеченная своими проектами. Филлис не сразу осознала, что на ее плече лежит сочувственная ладонь Мэдди. Исследовательница вздохнула:

– И что делать теперь?

– Ну, например... ужинать?

Впрочем, это был не конец. Пушистик тоже остался с ними на корабле – в качестве пятнышка размером с отпечаток

большого пальца, зажатый меж двух стеклышек. Такой вариант равно устроил и Филлис, и Мэдди.

– О, как вкусно! Почему так вкусно?

– Из-за специальных добавок. – Мэдди прищурилась. –

Эта еда лжет тебе, сама знаешь.

Филлис пожалала плечами. Она могла смириться с красивой ложью, если она была вкуса гамбургера. Пушистик бы тоже оценил.

– В твоей голове все еще полный набор сведений о твоих исследованиях, так? – Мэдди села напротив Филлис, попыталась говорить хоть чуть более вкрадчиво. – Ты знаешь, что делать с этим?

– Да. – Филлис отщипнула от булки из восстановленного из концентрата хлеба. – Но я не собираюсь это продавать кому бы то ни было. Я собираюсь безвозмездно пожертвовать.

Она назвала какой-то институт, однако Мэдди название ничего не сказало. Тем не менее, она доверяла суждению Филлис.

А та, в свою очередь, признала правоту Мэделейн.

В каюте у Мэдди во всю стену была репродукция Моны Лизы. И Филлис поняла, о чем они говорили в полных бетонной пыли коридорах научного центра.

[Часть текста выпущена по соображениям цензуры согласно Федеральному закону от 05.12.2022 № 479-ФЗ]

Сенатор открыл ключом кабинет и сморщился при виде развалившейся на диванчике Мэдди. Стол уже был уставлен приготовленным для него угощением, и незваная гостья уплетала равиоли с кроммиквиллой.

– О, я просто начала, не дождавшись Вас, *senatano*. – Она утерла губы тыльной стороной руки. – Дальние полеты так будят аппетит, просто ужас какой-то.

Для Мэдди прошло четыре месяца. Для сенатора – пара недель, за которые он еще не успел узнать, что ему больше нечем шантажировать бывшую подельницу.

За спиной сенатора мелькнуло скуластое молодое лицо. Наемник типа меня, догадалась Мэдди. Только моложе лет на восемь, не меньше. Еще не пообтесался на своем поприще, такому и кто-то попроче сенатора мог впарить самую неблагодарную работенку.

Сенатор шикнул на парнишку через плечо: исчезни! И сел напротив Мэдди. На сей раз она успела заметить, что он и впрямь запер дверь изнутри.

– Что бы ты ни сказала, я уже знаю, что ты меня не порадуешь.

Мэдди отставила тарелку в сторону и положила локти на стол.

– Я сама не в восторге от того, что вышло. Твой дружок Джек сдетонировал, разрушив половину Ллевэрии. И уж точно уничтожив все труды Монтес.

Сенатор вздохнул.

– Сама она где?

– Я не знаю, выжила она или нет. Вам стоит надеяться, что нет. И Патруль, и Альянс равно заинтересованы в том, чтобы расследовать произошедшее на Ллевении. Очень большой удар по экологии, ай-яй-яй, все страшно осуждают.

– Они ничего не докажут. Если думаешь, что получишь деньги за молчание, даже близко не выполнив работу, то...

– Скорее всего. Ничего никто не докажет. Но пока будет длиться процесс... – Мэдди выдула лимонад из стакана до конца, закончив раздражающим хлопаньем. И показала на стакан. – Вот так же будет и с Вашим рейтингом. Или Вы не планируете переизбраться?

Они сошлись на том, что никто никому ничего не должен. И они просто все забудут. Не было никакого контракта. Никакого полета на Ллевению. Джек и Джилл? Никто даже не знает таких. Просто два давних приятеля пару раз вместе перекусили в трактире «Вечный вопрос». И только.

– Где твой старикан, Мэдди?

– Отдала в починку. Летали на Этис, он плохо перенес. Я подумала, что на него должен взглянуть кто-нибудь новый, незамыленным взглядом.

– Да ладно, небось продала его, наконец, на запчасти. – Сенатор недоверчиво хмыкнул. – Ладно, а замуж ты где успела выскочить?

Мэдди сложила руки на груди, пряча брачный браслет.

– Ну, знаешь. Что происходит на Этисе, остается на Этисе.

Да уж, что ни говори, Мэделейн считала себя счастливой.

Плейлист Мэдди:

David Hasselhoff – The Passenger

Murray Head – One Night In Bangkok

Queen – Don't Try Suicide

Blondie – Atomic

John Cale, U.C.L.A. Orchestra – Paris 1919

Kim Carnes – Bette Davis Eyes

Janis Martin – Let's Elope Baby